

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И РЕЦЕПЦИЯ

Первая революционная миссия Р. Альберти в СССР (1932–1933)

© 2021 Н.Ю. Харитонова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_112_129

First Revolutionary Mission of Rafael Alberti in the USSR, 1932–1933

© 2021 Natalia Kharitonova

Информация об авторе:

Наталья Юрьевна Харитонова, PhD., старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: barrocorggu@mail.ru.

Ключевые слова: Рафаэль Альберти, МОРП, МОРТ, испанско-российские связи, путешествие в СССР, иностранные писатели и СССР.

Аннотация: Испанский поэт Р. Альберти впервые приехал в СССР на рубеже 1932 и 1933 гг. В статье изучаются обстоятельства, связанные с его приобщением к международной организации революционной литературы. Поездка Альберти в Париж, а затем Берлин, куда поэт отправился, чтобы ознакомиться с современным социальным театром, стали вехами на пути его сближения с коммунизмом. Немецкие литераторы, члены компартии и участники секции Международного объединения революционного / рабочего театра (МОРТ) выступили посредниками между московскими функционерами и испанским поэтом. Чтобы попасть в Москву, Альберти приобрел туристическую поездку, но вскоре после его прибытия в советскую столицу с ним связался Ф. Кельин, сотрудник Международного объединения революционных писателей (МОРП). Результатом первого посещения СССР стало появление испанской секции революционных писателей, получившей официальное признание МОРП.

Information about the author:

Natalia Kharitonova, PhD, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: barrocorggu@mail.ru.

Keywords: Rafael Alberti, IURW, IURT, Spanish-Russian relations, travels to the USSR, foreign writers and the USSR.

Abstract: Spanish poet Rafael Alberti came to the Soviet Union in December 1932 for the first time, and stayed in Moscow for three months. The paper studies the circumstances of his early involvement in the international network of revolutionary literature. In 1931–1932, Alberti travelled to Paris and Berlin to study the contemporary social theatre, this stay being a step on his way to communism. In Berlin German writers – members of the Communist Party and the German section of the International Union of Revolutionary Theatres (IURT) became intermediaries between IURT's employees in Moscow and the Spanish poet who at the moment was in search of his own place in the revolutionary literature. In December 1932 Alberti came to the Soviet Union as a tourist, but Fedor Kelin, a representative of the International Union of Revolutionary Writers (IURW), got in touch with him just after his arrival to Moscow. As a result of Alberti's first visit to the USSR, the Spanish Union of Revolutionary Writers was established having received the IURW's official recognition, while Alberti paved the way for his long-term friendship with the Soviet colleagues.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

Испанский поэт и драматург Рафаэль Альберти (1902–1999) впервые побывал в СССР в конце 1932 – начале 1933 г. Контакты между Альберти и МОРП (Международным объединением революционных писателей), базировавшимся в СССР, носили литературный и политический характер, но было бы упрощением сводить их только к политике или только литературе. МОРП был вспомогательной организацией Коминтерна, и не случайно с начала формирования международного литературного движения в дискуссиях настойчиво звучало понятие Литературного интернационала, Литинтерна¹. Изучение деятельности Коминтерна как разветвленной международной институции во взаимосвязи разных организаций ее подсистемы², в частности, МОПР (Международная организация помощи борцам революции) и МОРП, предполагает «исследование событий и явлений через призму взаимоотношений, которые, <...> пересекая национальные границы, вовлекают в исторический процесс»³ разные страны и культуры. История формирования испанской секции МОРП и та роль, которую сыграл в ней Альберти, – лишь небольшая часть масштабного полотна сложного транснационального диалога⁴. Тем не менее, случай Альберти позволяет не только ввести в оборот неизвестные архивные документы, но и проследить на испанском примере, как зарождалась и формировалась транснациональная сеть революционной литературы.

В декабре 1932 г. Альберти в компании своей жены, писательницы Марии Тересы Леон, приехал в Москву. Ко времени поездки в СССР молодой и талантливый поэт был уже хорошо известен в Испании. Лауреат Национальной литературной премии 1924–1925 гг., присужденной за книгу «Моряк на берегу» (*Marinero en tierra*, 1925), в 1925–1929 гг. он много печатался и был частью плеяды молодых авторов, впоследствии названной историками литературы «поколением 27-го года». Изменение поэтики творчества Альберти, закрепленное в общепринятой формуле отказа от творчества в башне из слоновой кости и перехода к литературе «социального действия»⁵, пришлось на период политического кризиса и установления в Испании республики (1931). Исследователи относят книги стихов «Об ангелах» (*Sobre los ángeles*, 1929)

¹ См. доклад А.В. Луначарского «О Международном бюро связи пролетарской литературы» 9 января 1925 // Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 38–44.

² Drachewycz O. The Communist Transnational? Transnational Studies and the History of the Comintern. *History Compass*, 2019, no 17, p. 2.

³ Заславская О.В. Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги /Steps. 2017. № 3 (3). С. 46.

⁴ Исследование МОРП невозможно без работы большого научного коллектива, способного освоить многоязычие и синтез культур, вовлеченных в орбиту влияния Литинтерна.

⁵ Тертерян И.А. Испытание историей. М.: Наука, 1973. С. 283.

и «Проповеди и чертоги» (*Sermones y moradas*, 1929–1930), поэму «Гражданская элегия» (*Elegía cívica*, 1930), а также пьесы «Опустошенный человек» (*El hombre deshabitado*, 1930) и «Фермин Галан» (*Fermín Galán*, 1931) к произведениям, ознаменовавшим поиски нового творческого и идеологического самоопределения⁶.

Пьесы «Опустошенный человек» и «Фермин Галан», премьеры которых сопровождали скандалы, были овеяны аурой романтической революционности, нашедшей свое выражение в протесте, бунте против религиозных норм и вкусов буржуазии, но о манифестации определенной политической доктрины тогда речь еще не шла. Обе пьесы были написаны в годы, считавшиеся кризисными для испанского театра и поэтов поколения 27-го года. Весной 1931 г. Альберти адресовал своему приятелю Х.М. де Коссио, писателю, филологу и исследователю тавромахии, письмо, где в свойственной ему эпатажной манере сообщал: «Из всего *jeune génération* я – самый русский. И кроме того, несомненно, самый лучший. Никто из них уже не пишет. Они вымерли»⁷. За парадоксальной «русской» самоидентификацией считается понимание России как революционной страны, но пока только в театральной сфере, потому что в письме речь идет об «Опустошенном человеке».

Чтобы продолжить свои поиски формулы нового театра летом 1931 г. Альберти решил отправиться за границу и обратился в Совет по дополнительному образованию с просьбой предоставить ему стипендию, мотивируя ее «большой заинтересованностью в изучении новых французских театральных направлений»⁸. Письмо в поддержку заявки Альберти написал выдающийся филолог Р. Менендес Пидаль, указав, что для подготовки исследования литературных направлений нашего времени Центр изучения истории, которым он руководил, был заинтересован в сведениях о современном французском театре. Пидаль сообщал, что поручил подготовку материалов «писателю Рафаэлю Альберти, известному своим поэтическим творчеством и экспериментами по обновлению театра, недавно представленными на сцене»⁹. Совет

⁶ Marrast R. *Aspects du théâtre de Rafael Alberti*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1967, p. 25; Gómez Torres A. M. *La metafísica del vacío: el teatro mental de Rafael Alberti (El hombre deshabitado). Rafael Alberti et les avant-gardes*. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle. 2004, pp. 211–244. <https://books.openedition.org/psn/1488?lang=es>.

⁷ Цит. по: Gómez Torres A.M. *La metafísica del vacío*.

⁸ Archivo de la Junta para Ampliación de Estudios e Investigaciones Científicas. Expediente JAE/3-121, p. 1.

⁹ Carta de D. Menéndez Pidal, 12.08.1931. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 2.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

принял решение выделить ему стипендию для поездки во Францию, и Альберти вместе с Марией Тересой Леон¹⁰ отправился в Париж.

В столице Франции Альберти впервые лично встретился с представителями русского авангарда. В июле 1931 г. в компании поэта Ж. Сюпервьеля Альберти побывал в студии М. Шагала, написав о своем знакомстве с художником шуточный сюрреалистический очерк, где вложил в уста живописца монолог о коровах, из которого следовало, что «замерзшую луну России заполнили коровы. Из своих простых заснеженных хлебов они выходят и бредут высь, по Млечному пути дорогой звезд»¹¹. Пока что беседа с эмигрантом из России не дала Альберти повода для размышлений о революции, он лишь пользуется случаем подтвердить расхожее представление о восточной державе как о снежной и холодной стране. Из статьи следует, что Альберти пытался расспросить Шагала о его опыте оформления спектаклей в Еврейском камерном театре, но совершенно безуспешно. В результате испанский гость описал художника, покинувшего Россию, как поэтического безумца, чудака, одержимого несуразными идеями.

Ранней весной 1932 г. Альберти пережил эстетический опыт, связанный с Советской Россией. В бельгийском Брюгге, куда поэт ездил из Парижа, Социалистический центр организовал показ «Броненосца Потемкина». Восприятие старинного города у Альберти предопределила повесть Ж. Роденбаха «Мертвый Брюгге» (*Bruges-la-Morte*, 1892). Именно поэтому он описал Брюгге в своем очерке, напечатанном в апреле 1932 г. в газете «Sol», лишенным жизненной энергии, скучным, сонным. Поэтому и просмотр «Потемкина» в поездке стал для него протестом «против летаргии и сна, против безнадежных монотонности и тоски дней и тюрем», прославлением «справедливого насилия и необходимой мести»¹². Обращает на себя внимание понимание фильма Эйзенштейна не столько как революционного в смысле политическом, а скорее, в плане революции эстетической, в свете ортегианской концепции авангарда как искусства меньшинства, к которому поэт отнес и себя, ощутив свое одиночество в зале, заполненном «бесформенными» фламандцами, «полусонными и пустыми мешками», где он, как ему кажется, стал единственным зрителем, испытавшем потрясение от киноленты. Но и в этом очерке Альберти еще не

¹⁰ М. Т. Леон приходилась родственницей жене Р. Менендеса Пидалья, М. Гойри. Именно ей, а не Альберти, принадлежит серия очерков о театре, опубликованных в мае–августе 1933 г. в газете *Heraldo de Madrid*.

¹¹ Marrast R. Rafael Alberti, proses retrouvées (1931–1932). *Bulletin Hispanique*, 1968, t. 70, no 3-4, p. 487.

¹² *Ibid.*, p. 503.

н. ю. харитонова

обращается к теме революционной России или коммунизма, а лишь делится своими впечатлениями от киноленты и бельгийского городка.

Среди парижских знакомых Альберти не было драматургов, но свои не слишком обременительные обязанности по изучению современного французского театра он старался иногда выполнять. В декабре 1931 г. испанец побывал на представлении передвижной студенческой труппы «Комедьен рутьер» (*Comédiens routiers*), созданной в 1929 г. Л. Шансерелем, в программе которой были старинные и современные фарсы, диалоги и песни. В очерке о спектакле Альберти проводит параллели между французской труппой и «Ла Барракой» (*La Barraca*) Гарсиа Лорки, а стилизацию народных спектаклей, ориентированную на развлечение и просвещение жителей парижских «предместий, провинций и деревень», которую практикуют французы из «Комедьен рутьер», он называет «самой чистой формой театра»¹³.

Буржуазность спектаклей мюзик-холлов и постановок «Комеди франсез» (*Comédie-Française*) по-прежнему вызывали у него стойкое отторжение, однако и сюрреалисты не были ему интересны. Картину парижской театральной жизни 1931–1932 гг., какой она запомнилась Альберти, передала в одном из своих очерков, опубликованных в 1933 г. в газете *Heraldo de Madrid*, жена поэта:

Сейчас французский театр оказался в закоулке, куда не попадает солнечный свет. Большие театры, такие как Пигаль, вынуждены открывать свои прекрасные залы для кинопоказов. Есть и еще один симптом печальной деградации: раньше любая парижская труппа выпускала по две или три премьеры за зиму. Нынешний кризис затронул не только финансы, но и репертуар, энтузиазм, творческий дух и возможность возрождения. Появилась масса новых пьес, стремящихся заполнить большие театры, но безуспешно¹⁴.

Внимание Альберти в Париже было скорее сосредоточено на инициативах ориентированного на фольклорную традицию самодеятельного театра. Но и работа профессиональных актеров и режиссеров Ш. Дюллена, Л. Жуве и Г. Бати¹⁵ заслужила его высокую оценку, хотя он и понимал, что им не хватает поддержки меценатов и новых пьес, написанных французскими авторами.

¹³ Marrast R. *Rafael Alberti, proses retrouvées*, p. 502.

¹⁴ León M.T. Los tres maestros-actores del teatro francés. León M.T. *La libertad en el tejado*. Barcelona: Associació d'Idees, 1995, p. 124.

¹⁵ Все трое годом ранее вошли в состав группы по поддержке Мейерхольда и оказывали содействие советскому режиссеру в организации гастролей ГосТИМ в Париже (см.: *Купцова О.Н.*

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

В частной переписке с Х.М. де Коссио Альберти откровенно рассуждал на тему парижской сцены. В письме от 29 сентября 1931 г., сообщая о работе над новой книгой стихов, очевидно занимавшей его куда более выполнения плана стажировки, Альберти не без доли цинизма писал, что ему придется изобрести «новый французский театр», на изучение которого Совет по образованию выделил ему стипендию, потому что «его не существует»¹⁶. Вероятно, окончательно разочаровавшись в театральной жизни Парижа, два месяца спустя, 25 ноября 1931 г., Альберти обратился в мадридский Совет по образованию с просьбой продления стипендии для поездки в Германию и Польшу, пояснив свои намерения тем, что страны эти, «вместе с Россией, занимают ведущее положение в европейском театральном движении»¹⁷. Это первое упоминание России в его деловой переписке, касающееся театральной жизни. Сложно точно сказать, каким образом у него родились новые планы, но в том же письме в Мадрид он заверил, что уже заручился поддержкой «немецких авторов и театральных режиссеров», и выразил надежду, что они предоставят ему такую же помощь, необходимую для изучения театра, какую ему оказывали во Франции. Решение о продлении его стипендии на полгода было принято 4 марта 1932 г., и он отправился в Берлин, однако это было далеко не самое лучшее время для знакомства с театральным искусством Германии.

В это время Веймарская республика переживала тяжелый кризис. Правительство пыталось принять меры для спасения экономики, сокращая зарплату и социальные платежи, в том числе пособия по безработице, которая затронула к тому времени почти треть населения¹⁸. Очерк «Унтер ден Линден. Весенняя баллада» (*Unter den linden. Balada de primavera*), написанный Альберти в мае 1932 г., запечатлел сцены из городской жизни, свидетельствующие о бедственном положении берлинцев: «Неистовством зелени и ливней весна взорвалась в Берлине, выбросив на улицы легион безработных, которые продают убогие товары по цене, подобной самой скудной милостыни, скрывая тем самым свой голод и жалкий жест протянутой за подающим руки»¹⁹. За уличной торговлей спичками и прочими мелочами стоял

Из переписки В.Э. Мейерхольда (1926–1933) // Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 116–117).

¹⁶ Alberti R. *Correspondencia a José María de Cossío. Seguido de Auto de fe y otros hallazgos inéditos*. Valencia: Pre-Textos, 1998, pp. 42–43.

¹⁷ Carta de R. Alberti, 25.11.1931. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 5.

¹⁸ Rosenhaft E. *Brecht's Germany: 1898–1933. The Cambridge Companion to Brecht*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, p. 16.

¹⁹ Marrast R. *Rafael Alberti, prosas retrouvées*, p. 506.

запрет попрошайничества, объясняет поэт, но милостыню тайком просили даже хорошо одетые прохожие, а сцена с обезумевшим нищим, в бешенстве растоптавшим поданные ему деньги, показалась ему всего лишь одиночным протестом, потому что, по его мнению, общий протест – дело будущего. Заканчивает свой очерк Альберти строками из «Баллады об оружейной фабрике» Бехера, «коммунистического поэта», опубликованной в *Rote Fahne*, которые звучат зловещим предсказанием надвигающейся войны.

К этому времени интонация путевых записей Альберти заметно изменилась, а на смену фривольности и лиризму парижских зарисовок пришло осознание тяжести ситуации, в которой оказалась Германия. К тому же Альберти стал свидетелем роста популярности НСДАП, когда в июле 1932 г. национал-социалисты стали самой многочисленной партией Рейхстага. Поэтому следует рассматривать эти факторы в их совокупности как причину, которая действительно привела поэта к новой политической позиции, что затем вылилось и в изменение поэтики и тематики его творчества, и в формирование политических взглядов – теперь с четкой ориентацией на коммунистическое движение.

В письме от 11 июля 1932 г., обращаясь к Х.М. де Коссио, Альберти делился с ним деталями своей берлинской жизни и новыми планами:

Я общаюсь с коммунистами, единственными вежливыми и приличными людьми в Германии. Готовлюсь отправиться в Россию в конце сентября. Там состоится очень большой театральный съезд, и мы с Марией Тересой среди приглашенных. Я пишу длинную театральную пьесу, чтобы показать ее на съезде. Надеюсь, что ее переведут и поставят в Москве²⁰.

Впрочем, в сентябре поэт в Москву не поехал, но представляется важным отметить его встречи с немецкими театральными деятелями, связанными с Россией. Известно, что в Берлине Альберти побывал на спектакле «Труппы 1931» по пьесе Г. фон Вангенгейма «Мышеловка»²¹ и, вероятно, общался с участниками театра Юнге Фольксбюне. Удалось ему увидеть и драматическую ораторию И. Бехера «Социалистический план»²², но подтвердить

²⁰ Цит. по: Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30: le dépassement des avant-gardes esthétiques par les avant-gardes politiques*. <https://books.openedition.org/psn/1481>

²¹ Премьера спектакля состоялась накануне Рождества 1931 г. и, как указывает А. Стрельникова, «пьеса была сыграна "Труппой 1931" ("Труппе 1931") Вангенгейма около трехсот раз» (Стрельникова А.А. Пролетарско-революционная литература // История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945). Кн. 2: Литература Германии между 1918 и 1945 годами. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 358).

²² León M. T. Alemania en Moscú. – Erwin Piscator. León M. T. *La libertad en el tejado*, pp. 108–109.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

факт его знакомства с Бехером именно в 1932-м пока не представляется возможным, хотя их дальнейшие контакты документированы.

Летом 1932 г. Альберти пишет из Берлина своему другу, писателю Х. Эррера Петере, который в это время в Мадриде уже приобщался к коммунистическому движению, рассказывая ему о своих контактах с немецкими писателями-коммунистами: «Собираешься ли ты вступить в партию? Я в Берлине очень тесно общаюсь с революционными писателями, [членами] немецкой компартии. <...> Ты знаешь, что я твой верный друг и, кроме того, отныне твой [партийный] товарищ»²³. Вполне очевидно, что находясь в Берлине, в переписке с друзьями испанский поэт настойчиво подчеркивал свою связь с компартией, а возможно, намекал тем самым, что уже вступил в ее ряды, и этим и объясняется обращение к Петере как к «товарищу» по партии. Тогда же Альберти называет коммунизм источником «всей настоящей современной поэзии»²⁴. Еще одним шагом к сближению с международным коммунистическим движением стала поездка Альберти и Леон на международный антивоенный конгресс в Амстердаме, организованный Коминтерном и состоявшийся 27–29 августа 1932 г.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют об изменении политической позиции Альберти, совпавшей по времени с его пребыванием в Берлине. За недостаточностью архивных сведений пока что сложно обозначить точный круг общения испанского поэта в столице Германии, это дело будущего. С полной уверенностью, однако, можно утверждать, что среди коммунистов, о которых он пишет в письмах Коссио и Петере, был еще один испанец, живший тогда в Берлине, Фелипе Фернандес Арместо, с чьим именем связано образование первого союза революционных писателей в Мадриде.

Арместо, преподаватель испанского языка и корреспондент, как и Альберти, оказался в Берлине благодаря стипендии Совета по дополнительному образованию. В 1930–1931 гг. в мадридском журнале *Nueva España* появилось немало очерков Арместо на тему марксизма, рабочего движения и жизни в Советском Союзе. В 1930 г. в Берлине он вступил в Коммунистическую партию Испании и был связан с Коминтерном. В ноябре 1930 г. Арместо побывал в Харькове на Второй международной конференции революционных

²³ Цит. по: Gálvez Yagüe J. Cuatro cartas inéditas de Rafael Alberti a José Herrera Petere. *José Herrera Petere. Vanguardia y exilio. Actas del I Congreso Internacional*. Guadalajara: Diputación Provincial de Guadalajara, 2010, p. 208.

²⁴ Ibid.

писателей, а летом 1931 г. принял участие в создании Союза революционных интеллектуалов и художников,²⁵ испанцев и латиноамериканцев.

В начале ноября 1932 г. Арместо прибыл в Москву. Именно в это время, с 9 по 14 ноября 1932 г., в «незабываемые исторические дни празднования XV годовщины Великой Октябрьской революции», как сказано в обращении Второго расширенного пленума президиума МОРТ²⁶, в Москве проходила Международная рабочая олимпиада. Арместо, который никакого отношения к драматургии и театру не имел, был избран в президиум МОРТ²⁷, выступал с докладом о кризисе испанского театра, а в бюллетене олимпиады вышла его статья на ту же тему²⁸. Но он был не единственным испанским автором, рассуждавшим на тему испанского театра на страницах бюллетеня: там же впервые на русском языке появилась статья Марии Тересы Леон и Рафаэля Альберти²⁹. Они и стали своего рода соперниками Арместо, и в результате взяли на себя руководство организацией секции МОРП в Испании.

Напомним, что еще в мае Альберти делился с Коссио своими планами отправиться на Московскую театральную олимпиаду³⁰. 2 мая 1932 г. Альберти снова обратился в Мадрид, в Совет по дополнительному образованию, с просьбой продолжить свою стажировку в России. Только в июле ему сообщили официальное решение:

На заседании 14 июня Совет постановил разрешить Вам поездку в Россию и готов переводить туда вашу стипендию, с пониманием того, что Вы делаете это на свой страх и риск, потому что Совет не может Вам гарантировать, что Вы будете допущены в эту страну и получите денежные средства, которые Вам отправят³¹.

²⁵ Черновик статьи Ф. Кельина: РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

²⁶ Ко всем работникам театра // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 1.

²⁷ Строим фронт революционного театра // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 19.

²⁸ *Фернандес Арместо Ф.* Кризис буржуазного театра в Испании // Интернациональный театр. 1932. № 3. С. 14–15.

²⁹ *Альберти М.-Т. и Р.* Испанский театр // Интернациональный театр. 1932. № 4. С. 21–23.

³⁰ Можно предположить, что Альберти и Леон узнали об олимпиаде от Арместо, хотя в то время немецкая делегация МОРП в Берлине была довольно представительной и контакты могли завязаться через немецких литераторов или иностранных писателей, работавших в Берлине, например, серба Ото Бихальи Мерина (Бихи), сотрудника журнала *Linskurve*. В 1932 г. Биха участвовал в работе секретариата МОРП в Москве, а затем вернулся в Берлин. Его имя упоминается в письмах Леон к Кельину 1933 г.

³¹ Carta de la JAE a R. Alberti, 5.07. 1932. Archivo JAE. Expediente JAE/3-121, p. 8.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

Опасности, сопряженные с путешествием в Советский Союз, Альберти не пугали, но финансирование поездки перекладывалось на его плечи, что, в частности, касалось транспортных расходов, поэтому в ноябре Альберти в Москву поехать не смог³², хотя публикация статьи в московском журнале свидетельствует о его переписке с редакцией бюллетеня. Решением становится оформление турпоездки, доступной по своей стоимости испанскому стипендиату, и, что немаловажно, дававшей ему, гражданину страны, не признавшей СССР, возможность беспрепятственно пересечь советскую границу.

В двадцатых числах декабря 1932 г. Альберти и Леон наконец прибыли в Москву. В своих путевых заметках, опубликованных в Мадриде в 1933 г., Альберти, уже убежденный сторонник СССР, с иронией писал, как изменилось его представление о России:

Чем была для меня Россия, когда в 1915 году в Кадисе еще ребенком играл я в войну на застекленном «патио», под яркими лучами южного солнца? Только бесконечной снежной равниной, обагренной горячей кровью, наводненной тучами казаков, скачущих бешеным галопом. Позднее в Мадриде в 1917 году очертания России расплылись, утратили для меня свою форму и снова воскресли передо мною в 1930 г., после падения диктатуры Примо де Риверы, когда я начал предчувствовать современное нам величие России. Но теперь я уже воспринял ее с новым подлинным ее именем: Союза Социалистических Советских Республик³³.

В этом фрагменте можно заметить устойчивые стереотипы, связанные с Россией: бескрайние степи, казаки, холод и снег. При этом Альберти поэтично, но очень точно воспроизводит вехи становления нового образа России в Испании первой трети XX в. В ноябре 1917 г. Испания, хотя и не участвовавшая в Первой мировой войне, внимательно следила за событиями на фронтах и, к тому же, не имела собственных корреспондентов в России, поэтому события «Октябрьской революции» сразу даже не заметила. Германфильские круги опирались на новости из Копенгагена и ожидали провала бунта «максималистов» (то есть, большевиков) в Петрограде, возлагая большие надежды на окружившие столицу войска Керенского. Но особенно их интересовало подписание Россией мирного договора, вне зависимости

³² 30 ноября 1932 г. он выступил с лекцией «Народная поэзия в современной испанской лирике» в берлинском Университете Фридриха-Вильгельма.

³³ Цит. по: Marrast R., Alberti R. Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS. *Bulletin Hispanique*, 1969, t. 71, no 1-2, pp. 340–341. Перевод Ф. Кельяна (*Альберти Р. Испанские крестьяне*. М.;Л.: ГИХЛ, 1934. С. 7) с дополнениями автора статьи.

от того правительства, которое в результате окажется у власти³⁴. В 1920-е, особенно после снятия Антантой экономической блокады, испанские газеты приступили к обсуждению самых разных аспектов преобразований в России. Восстановление торговых отношений стало одной из важнейших тем, поднимавшихся испанской печатью в конце 1910-х – начале 1930-х гг. Никакой симпатии к России испанские авторы не испытывали, обстоятельно писали о расстрелах крестьян, голоде и разрухе, а сама страна по большей мере вызывала у них негативные ассоциации.

Даже статья 1931 г. о ситуации с употреблением наркотиков в Германии, на тему, будто бы далекую от СССР, открывалась фразой, ставящий знак равенства между советским коммунизмом и морфинизмом: «В немецкой печати последнего времени наблюдается одержимость деятелей культуры двумя все более растущими угрозами: коммунизмом, импортированным из России, и морфинизмом»³⁵. Идеология советского государства воспринималась автором не просто как опасная, но и схожая с болезненным одурманиванием наркотическим веществом. В целом, коммунизм зачастую рассматривался как проявление психического заболевания, о чем свидетельствует публицистика газеты *Luz*, где большевиков называли сумасшедшими и безумными³⁶.

Известия о России в начале 1930-х были окрашены только риторикой коммерческих интересов: один из важнейших вопросов, решавшихся в первой половине 1931 г., когда Испания еще не восстановила дипломатические отношения с СССР, заключался в том, платежеспособный это коммерческий партнер, или нет. Даже освещение судебного процесса над британскими инженерами предприятия «Метро-Виккерс» в 1933 г. было увязано с вопросом торговли: мягкие приговоры подсудимым связали с удачно введенным торговым эмбарго британского правительства³⁷, впрочем, в скорости снятым.

Альберти, «чистого поэта», долгое время оставляли равнодушным не только торговые отношения с Россией, но и новое советское искусство и литература. Поколение испанских поэтов и писателей, к кругу которого он принадлежал, в двадцатые годы политикой интересовалось мало, что он сам и признавал в интервью «Литературной газете» в конце 1932 г.: «Мое поколение было поколением аполитичным»³⁸. Поэтому когда в путевых записях

³⁴ *Heraldo de Madrid*. 13.11.1917, no 9849, p. 1.

³⁵ Sánchez de Rivera D. Un grave peligro social que avanza. *El Sol*, 12.07.1931, no 4341, p. 6.

³⁶ *Luz*, 16.03.1933, no 373, p. 10.

³⁷ *Detalles del fallo*. *Luz*, 19.04.1933, no 402, p. 4.

³⁸ Поколение 1898 года. Беседа с испанским писателем Рафаэлем Альберти // Литературная газета. 1932. 29 декабря. № 59. С. 1.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

он связывает пробуждение своего интереса к России с падением диктатуры Primo de Rivera и временем провозглашения первой Испанской республики, он хорошо передает общие тенденции и настроения испанского общества. Социально-политические изменения в Испании стали триггером воодушевления и новых надежд, связанных с республиканским формой правления.

Дополнительно подтвердить интерес к новой форме правления можно с помощью обращения к диахроническому корпусу испанского языка. Поиск в базе публицистических и литературных произведений убедительно демонстрирует динамику употребления концепта «революция» с 1917 по 1931 г.: к моменту установления республики частотность выросла в 40 раз, отражая востребованность понятия в контексте политических и социальных изменений.

Поворот в испанском обществе, связанный с ростом интереса к советскому революционному опыту, также приходится на конец 1920-х – начало 1930-х. В этот период в Испании публикуется множество книг о России. За перо берутся не только литераторы, но и политики, журналисты, дипломаты, рабочие и обыватели.

Альберти не стал исключением, при этом, как можно было видеть, подлинный интерес к революционному искусству появился у него во время европейской стажировки, и именно в Берлине окончательно оформилось желание побывать в СССР. В ранее цитированном письме из столицы Германии Альберти признавался в поисках новой поэтики, совпавших со стремлением оказаться в России: «Не забываю я и о поэзии. Но моя задача – найти способ создания революционных стихов политического содержания, которые при этом не теряют поэтического качества»³⁹. Концом 1932-го датируется публикация в журнале М. Альтолагирре стихотворения Альберти «Призрак бродит по Европе...»⁴⁰, где поэт пишет о восточном ветре, с которым приходит призрак неназванного прямо в тексте коммунизма. Этот призрак знает ответы на вопросы о «красных степях мира и победы», не вселяет ужас, а становится «товарищем» множественного лирического героя, желающего перемен.

Оказавшись в Москве, поэт с энтузиазмом приобщается к современному советскому искусству и, прежде всего, поэзии. Посредником его знакомств с московскими литераторами стал Ф. Кельин, который в соответствии с принятой стратегией общения с иностранными гостями, приехавшими самостоятельно, представился Альберти не сотрудником МОРП, а преподавателем испанского языка Московского университета. Кельин встретился с Альберти и Леон не сразу, а появился только на третий день после их приезда в Москву,

³⁹ Цит по: Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30*.

⁴⁰ Alberti R. *Un fantasma recoge Europa... Héroe*, 1932, no 6, s.p.

н. ю. харитонова

что также свидетельствует о том, что МОРП не готовил их поездки, но подключился к их встрече, рассчитывая установить, окажутся ли они подходящими для работы людьми. Зато благодаря участию МОРП, Альберти удалось задержаться в Москве до февраля.

В путевых заметках Альберти с удовольствием вспоминает свои ежедневные встречи с Кельным, приходившим в их номер в гостинице Интуриста «Ново-Московская» (нынешний «Балчуг»). Вместе они читали и переводили советскую поэзию на испанский, а испанскую на русский, о чем сообщал Альберти:

С помощью Теодоро Кельина, в нашем теплом номере с видом на Москва-реку, мы перевели на испанский стихотворения Блока, Маяковского, Веры Инбер, Светлова, Асеева... А на русский, стихи Хуана Рамона Хименеса, Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорки⁴¹.

Буквально в первые дни после знакомства они договорились об издании поэтического сборника Альберти на русском языке, о чем поэт рассказывает в интервью «Литературной газете». Это была также принятая в МОРП практика, когда публикация книг иностранных писателей, за который автору выплачивался гонорар, использовалась как способ формирования лояльности Советскому Союзу. Пришлась она по вкусу и Альберти, особенно потому что на испанском этот сборник так и не появился⁴². Зато книга вышла на русском, пусть только в 1934 г. и с domesticiрованным названием «Испанские крестьяне»⁴³, потому что название региона, который использовал Альберти в оригинале, Эстремадура, мало что сообщало советскому читателю, и по этой причине оно фигурирует только в русском подзаголовке.

Альберти и Леон щедро делились восторженными впечатлениями от СССР со своими друзьями. Художнику Б. Паленсиа они писали: «Тут замечательно. Художники здесь невероятно душевные. И это единственная страна мира, где они хорошо живут, потрясюще хорошо, при одном только условии, что обязаны трудиться»⁴⁴.

⁴¹ Цит. по: Magast R., Alberti R. *Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS*, p. 342.

⁴² Судя по упоминаниям книги в интервью «Литературной газете», поэт планировал назвать ее «Крестьяне Эстремадуры». Позже стихотворения на испанском были включены Альберти в книгу «Поэт на улице» (*El poeta en la calle*, 1935).

⁴³ Альберти Р. *Испанские крестьяне*. М.;Л.: ГИХЛ, 1934.

⁴⁴ Цит. по: Ramírez Morcillo R. C. *Literatura y compromiso político: experiencias y contenidos en José Herrera Petere, 1909–1939. Tesis doctoral inédita*. Ciudad Real: Universidad de Castilla-La Mancha, 2017, p. 106.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

В своем новом качестве революционного поэта Альберти начал овладевать новым идеологическим языком, пафосом и серьезностью описаний советских реалий, но ему это удается далеко не во всех зарисовках Москвы, выполненных в 1933-м. Круг его знакомств составили самые разные литераторы, и не только советские. Альберти бывал у Бриков, где встретился с Л. Арагоном и Э. Триоле, приходил в гости к Асееву, разговаривал с Дм. Мирским, приехавшим в Москву. Любопытно, при этом, что в записях Альберти московское поэтическое сообщество предстает дионисийским, примитивным, неистовым и азиатским:

Советским поэтам еще свойственна поэтическая выразительность хугларов. Они не столько читают свои стихи, сколько представляют их. Каждый на свой лад. И чрезмерно увлекаются звукоподражаниями. Кирсанов, к примеру, читая одно из своих стихотворений, больше походил не на поэта, а на локомотив. Он свистел, валился на пол, потел, пыхтел, словно взбираясь в гору, разве что только дыма не пускал. Каменский вещал о медвежьей охоте, сопровождая рассказ шумами, стенаниями и персидскими песнопениями, похожими на канте хондо. Асеев монотонно повторял длинную поэму, написанную в Грузии, звучащую как напевная арабская мелодия⁴⁵.

Автора полюбившегося ему стихотворения «Гренада», Михаила Светлова, с которым он так хотел познакомиться, ожидая его всю ночь в гостях у Асеева, он называет «казакон степей гражданской войны». Знакомство не состоялось, появившийся под утро поэт, «черные цыганские волосы» которого «стекали ему на глаза», был пьян и немедленно ушел спать. Такими ли должны быть поэты революции? Делясь этой историей, Альберти, однако, не снижает образ Светлова, не выказывает никакого осуждения, а пишет, что революция требует героического эпоса, «великие героические деяния вновь находят своих сказителей, героев своих песен, как этот Светлов»⁴⁶, участник гражданской войны. Оценка поэзии Светлова и иронично изображенных советских поэтов рождается из понимания эпичности событий революции, к которому Альберти пришел на рубеже 1932–1933 гг.: отсюда определение их как хугларов. Еще в Берлине Альберти начал поиски формулы «революционного» творчества, а в Москве, куда он прибыл с рукописью «Испанских крестьян», он уже делился с «Литературной газетой» готовым рецептом, ингредиентами которого должны быть фольклорная поэзия и ориентация на традицию народного эпоса, способные сделать революционные деяния поэтическим фактом:

⁴⁵ Цит. по: Marrast R., Alberti R. *Rafael Alberti: un reportage inédit sur son voyage en URSS*, p. 345.

⁴⁶ Ibid.

Фольклор отражает все политические события. Сам я не раз пытался выразить в моем творчестве тот же простой, понятный и доступный всем тон народной поэзии. Именно так написаны почти все мои стихотворения, входящие в книгу об эстремадурских крестьянах, которая должна выйти в СССР. Романс, национальная форма эпоса и песни, всегда служит мне основой. Моя пьеса «Фермин Галан» также следует этой традиции. Я думаю, что подобная простая поэтическая форма может служить отправной точкой для новой поэзии, которая будет бороться за пролетарскую революцию⁴⁷.

В Москве, таким образом, Альберти заявил о себе как о революционном поэте и старательно демонстрировал сотрудникам МОРП свой творческий потенциал, что человеку такого масштабного дарования было несложно. Испанскому автору и его деятельной жене не сразу, но удалось убедить Кельина, а значит и МОРП, в своей готовности поддерживать связь с СССР и выступать посредниками советской культурной дипломатии.

Арместо, покинув Москву, зимой 1932 г. действительно отправился в Мадрид, чтобы взять на себя руководство Союзом революционных писателей. Однако преуспеть ему в этом деле не удалось. Альберти и Леон, значение которых в писательских кругах Мадрида было несопоставимо большим, чем у Арместо, отличившегося лишь на журналистском поприще, составили ему серьезную конкуренцию, и Кельин, изначально сделавший ставку на Арместо, не мог этого не понимать. Отношения Арместо и пары Альберти-Леон начали портиться по непрямоуказанной в переписке причине, каким-то образом связанной с их поездкой в СССР. Об этом свидетельствует письмо Леон Кельину от 19 февраля 1933 г. из Берлина: «Сюда вновь приехал Арместо. Он выглядит потерянным. Мы встретили его в компании друзей, он заметил нашу холодность, очень разозлился, и мы ушли»⁴⁸. Леон и Альберти резко отзываюся об Арместо и плодах его работы в Мадриде и чтобы не выглядеть голословными, высылают Кельину письмо Эрреры Петере, которое свидетельствует о бездействии Союза писателей, парализованного установками Арместо, его «невыносимым» догматизмом, распугавшим «всех достойных людей». Чтобы исправить ситуацию, Альберти просил Кельина переслать им в Мадрид статью кого-нибудь из деятелей МОРП – Людкевича, Джерманетто или Динамова, относительно сущности Союза революционных писателей, потому что ассоциация походила на коммунистическую ячейку, что никак не способствовало ее популярности⁴⁹. Судя по этому письму, серьезным просчетом Арместо стало воспроизведение радикальных установок РАПП применительно к испанскому писательскому объединению, что и вызвало недоумение и отторжение тех

⁴⁷ Поколение 1898 года. Беседа с испанским писателем Рафаэлем Альберти.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 4.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

первая революционная миссия р. альберти в ссср (1932–1933)

литераторов, которые не имели прямого отношения к компартии. Более того, Арместо совершил еще один провальный ход, представившись в Мадриде представителем Коминтерна. Хотя МОРП и являлась одной из вспомогательных организаций Коммунистического Интернационала, тот же Кельин, выстраивая отношения с зарубежными писателями, это подчинение МОРП Коминтерну стремился не афишировать. В апреле 1933 г. Альберти сообщал Кельину, что собрать писателей и художников им никак не удастся, и по-прежнему обвинял в этом Арместо. Одними словами Альберти не ограничивался и поддержал исключение Арместо из партии, обещав предоставить свое письменное свидетельство с перечислением «подлостей, им совершенных»⁵⁰. В качестве альтернативы линии Арместо и его неудачному руководству Союзом Альберти и Леон очевидно рекламировали Кельину самих себя в качестве кандидатов на лидерство в обновленной секции МОРП. Если исходить из гипотезы соперничества за роль представителей МОРП в Испании, можно было бы заподозрить Альберти и Леон в необъективности, но факты скорее говорят о том, что Арместо действительно потерпел неудачу в мадридских писательских кругах.

История Арместо демонстрирует, что МОРП допускал ошибки в подборе агентов влияния, но на смену Арместо практически сразу пришли Альберти и Леон. В начале мая 1933 г. они выпустили сначала анонс, а затем первый номер журнала *Octubre*. Альберти и Леон удалось добиться не только высокого типографского качества: исследователи дают высокую оценку журналу⁵¹, на страницах которого были представлены произведения испанских писателей и стихи рабочих, публицистика и переводы с французского, русского, английского и немецкого. Журнал, при этом, носил отчетливо транснациональный характер: кроме европейских авторов, в нем участвовали авторы двух Америк, и спектр тем, освещавшихся в *Octubre*, включал и проблемы Латинской Америки⁵². Однако издатели столкнулись с финансовыми трудностями и политическим преследованием, поэтому история журнала ограничилась всего шестью номерами.

В СССР приветствовали издание журнала, но с запозданием. В Москве явно хотели сначала дать информацию об образовании новой писательской ассоциации и официальном признании ее МОРП, а также убедиться в ортодоксальности издания. «Литературная газета» сообщала: «Журнал «Октябрь» издает группа революционных писателей и работников искусства Испании. Вышло два номера со статьями И. Эренбурга, Л. Ренна, С. Динамова, стихами

⁵⁰ Там же. Л. 13 об.

⁵¹ См. Montero E. *Octubre: revelación de una revista mítica*. *Octubre*. Madrid: Ediciones Turner, 1977, pp. IX–XXXVI.

⁵² Bao R. *América Latina en la revista Octubre de Madrid 1933–1934: Redes intelectuales antifascistas*. *Pacarina del Sur*. <http://pacarinadelsur.com/home/huellas-y-voces/1181-america-latina-en-la-revista-octubre-de-madrid-1933-1934-redes-intelectuales-antifascistas>

М. Светлова, отрывками из «Первой конной». Даны также произведения А. Барбюса, Л. Арагона и революционных писателей Испании»⁵³.

16 мая 1933 г., после выхода первого номера *Octubre*, Альберти писал Кельину об учреждении испанской секции Международной организации революционных писателей и выполнении ими необходимых бюрократических формальностей. Вместе с Леон они представили документы в мадридскую Дирекцию безопасности, и ассоциация была официально утверждена, после чего они направили через Кельина заявление в Секретариат МОРП для признания их секцией этой организации⁵⁴. Письмо в Москве получили в июне, и участнику мадридской ассоциации писателю Р.Х. Сендеру, в это время гостившему в СССР, вручили сертификат участника испанской секции МОРП.

Итогом поездки Альберти стали новые издательские проекты и знакомство с «революционными» литераторами, участниками транснациональной литературной сети, взаимодействия с которыми продолжились в следующие десятилетия и выходили за рамки советской системы со строгим представлением о центре и периферии. Важно подчеркнуть и то, что путь к участию в международной сети революционной литературы у Альберти начался в Берлине, где немецкие литераторы, уже установившие контакты с Москвой, выступили в роли посредников и, возможно, своего рода проповедников новой концепции международного объединения писателей, Литературного интернационала. Для советских функционеров главным в 1933 г. стало то, что Альберти удалось сформировать канал взаимодействия МОРП с испанскими писателями: свою первую революционную миссию поэт выполнил с успехом.

Литература

Заславская О. В. Пролетарский театр и Коминтерн: транснациональный контекст создания Международного объединения рабочих театров (1926–1932) // Шаги / Steps. 2017. № 3. С. 45–67.

Купцова О. Н. Из переписки В.Э. Мейерхольда (1926–1933) // Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 111–174.

Литературное наследство. Т. 81: Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969.

Стрельникова А.А. Пролетарско-революционная литература // История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945). Кн. 2 «Литература Германии между 1918 и 1945 годами». М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 355–378.

Тертерян И. А. Испытание историей. М.: Наука, 1973. – 526 С.

⁵³ Литературная газета. 1933. 23 сентября. № 2783. С. 4.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 20.

References

- Bao R. América Latina en la revista *Octubre* de Madrid 1933–1934: Redes intelectuales antifascistas. *Pacarina del Sur*. <http://pacarinadelsur.com/home/huellas-y-voces/1181-america-latina-en-la-revista-octubre-de-madrid-1933-1934-redes-intelectuales-antifascistas>
- Cabrol I. *La poésie de Rafael Alberti au tournant des années 20 et 30: le dépassement des avant-gardes esthétiques par les avant-gardes politiques*. <https://books.openedition.org/psn/1481>
- Drachewycz O. The Communist Transnational? Transnational Studies and the History of the Comintern. *History Compass*, 2019, no 17, pp. 1–12.
- Gálvez Yagüe J. Cuatro cartas inéditas de Rafael Alberti a José Herrera Petere. *José Herrera Petere. Vanguardia y exilio. Actas del I Congreso Internacional*. Guadalajara: Diputación Provincial de Guadalajara, 2010, pp. 195–212.
- Gómez Torres A. M. La metafísica del vacío: el teatro mental de Rafael Alberti (El hombre deshabitado). *Rafael Alberti et les avant-gardes*. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2004, pp. 211–244.
- Kuptsova O.N. Iz perepiski V.E. Meyerkhof'da (1926–1933) [From the Correspondance of V.E. Meyerkhof]. *Dialog pisatelei: Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka, 1920–1970 [Dialogue of Writers: From the History of the Twentieth-Century Russian-French Cultural Links, 1920–1970]*. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002, pp. 111–174. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 81: Iz istorii Mezhdunarodnogo ob"edineniia revoliutsionnykh pisatelei (MORP) [From the History of the International Union of Revolutionary Writers (IURW)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (In Russ.)
- Marrast R. Rafael Alberti, proses retrouvées (1931–1932). *Bulletin Hispanique*, 1968, t. 70, no 3–4, pp. 486–509.
- Marrast R. *Aspects du théâtre de Rafael Alberti*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur, 1967. – 159 p.
- Montero E. Octubre: revelación de una revista mítica. *Octubre*. Madrid: Ediciones Turner, 1977, pp. IX–XXXVI.
- Ramírez Morcillo R.C. *Literatura y compromiso político: experiencias y contenidos en José Herrera Petere, 1909–1939. Tesis doctoral inédita*. Ciudad Real: Universidad de Castilla-La Mancha, 2017. – 441 p.
- Rosenhaft E. Brecht's Germany: 1898–1933. *The Cambridge Companion to Brecht*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007, pp. 3–21.
- Strel'nikova A.A. Proletarsko-revolutsionnaya literatura [Proletarian and Revolutionary Literature]. *Istoriya literatury Germanii XX veka*. Vol. I: 1880–1945. Book II: Literatura Germanii mezhdru 1918 i 1945 godami [History of 20th Century German Literature (1880–1945). Vol. I: 1880–1945. Book II: German Literature from 1918 to 1945]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 355–378. (In Russ.)
- Terteryan I. A. *Ispytanie istoriei [The Challenge of History]*. Moscow: Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
- Zaslavskaya O.V. Proletarskii teatr i Komintern: transnatsional'nye aspekty sozdaniia mezhdunarodnogo ob"edineniia rabochikh teatrov. [Proletarian Theatre and the Comintern: Transnational Components of the International Association of Workers' Theatres (1926–1932)]. *Shagi / Steps*, 2017, no 3 (3), pp. 45–67. (In Russ.)